

ГОСУДАРСТВО И РЕЛИГИЯ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

(Статья вторая)

© 2015 г. Орест Владимирович Мартышин¹

Аннотация: в статье рассматриваются участие религиозных организаций в деятельности армии и ФСИН и возвращение имущества религиозным организациям.

Annotation: participation of religions associations in the activity of armed forces and Federal agency of execution of punishment; restitution of property of religious associations.

Ключевые слова: религиозное объединение, отделение религии от государства, светское государство, свобода совести, реституция.

Key words: religious association, separation of religion from state, secular state, freedom of conscience, restitution.

С преподаванием основ религиозных культур в школе и теологии в высших учебных заведениях тесно связан вопрос о допустимости ношения учащимися, преподавателями, персоналом одежды, освященной религиозной традицией, а также о религиозной символике в оформлении образовательных учреждений.

В части убранства помещений решение представляется бесспорным: религиозная символика противоречит действующему Закону об образовании в РФ, провозгласившему в качестве одного из основных принципов государственной политики и правового регулирования в этой сфере «светский характер образования в государственных и муниципальных организациях». С одеждой, и особенно учащихся (внешний облик учителей и всего персонала как служащих образовательного учреждения должен полностью соответствовать его принципам), дело обстоит несколько сложнее. Здесь – типичный случай коллизии правовых принципов: с одной стороны, свобода совести и право одеваться в соответствии со своим вкусом и возможностями, разумеется, в рамках пристойности, с другой – необходимость соблюдения правил поведения, установленных в образовательных учреждениях.

Неудивительно, что на этой почве возникали конфликты в школах Ставропольского края, Татарстана. Камнем преткновения послужило ношение школьницами хиджабов. Это вызвало протест администрации школ, органов управления образованием и даже прокуратуры (в г. Нижнекамске).

В Министерстве образования и науки Татарстана запрет на ношение хиджабов мотивировали не недопустимостью религиозной атрибутики в государственной школе, а санитарными нормативами, опасностью для здоровья. Проблема была поднята на федеральный уровень, и 28 марта 2013 г. Министерство образования и науки России приняло документ «Об установлении требований к одежде обучающихся», в котором говорилось, что «внешний вид и одежда обучающихся государственных и муниципальных образовательных организаций должны... носить светский характер»².

Сторонников мусульманских традиций в женской одежде это не устраивает. Родители школьниц из Мордовии обратились с жалобой в прокуратуру и Верховный суд (жалобы были отвергнуты). Председатель духовного управления мусульман РФ муфтий Р. Гайнутдин направил открытое письмо Президенту России с призывом признать право учениц-мусульманок находиться на занятиях с покрытой головой. Хотя эту позицию поддержал председатель Синодального отдела по взаимодействию Церкви и общества протоиерей В. Чаплин, заявивший, что «люди имеют право выражать свою веру во внешнем поведении, даже если кому-то не нравятся женщины в платках», министерство пока настаивает на том, что «одежда должна быть светской»³.

Удачным решением проблемы представляется введение формы для учащихся. Форма упраздняет внешние различия не только в плане религиозной символики, но и в том, что касается обще-

¹ Профессор кафедры теории государства и права МГЮУ им. О.Е. Куцафина (МГЮА), доктор юридических наук.

² НГ-Религии. 2013. 17 апр. С. 4.

³ Независимая газ. 2015. 6 февр.

ственного статуса, имущественного положения. В условиях резкой социальной стратификации единообразие одежды исключает демонстрацию роскоши, зависть, способствует воспитанию скромности и взаимопонимания, нивелирует вульгарные проявления неравенства. Форма в учреждениях образования – давняя традиция. Она исключает и подчеркивание религиозных различий. Разумеется, требования к одежде должны включать запрет не только на хиджабы, но и на любые другие символы принадлежности к той или иной религии.

Приветствуя линию органов образования на секуляризацию внешнего облика учащихся, невольно задумываешься: а как это сочетается с ОРКСЭ и так ли это важно, если учащихся разделили на группы и развели по разным классам не по одежде, а по мировоззрению, по отношению к религии на атеистов и верующих, а последних – на православных, иудеев, мусульман, буддистов и тех, чья вера не заслуживает внимания и потому не получила своего модуля в комплексном предмете ОРКСЭ.

* * *

На протяжении тысячелетий религия играла важную роль в жизни вооруженных сил. Это обуславливалось нерасторжимой связью религии и государства в древних, средневековых и современных традиционных обществах. Во многих исламских государствах и сегодня муллы присутствуют во всех звеньях военной системы вплоть до взвода. В Иране специальные подразделения стражей исламской революции непосредственно подчиняются духовному лидеру. В армии либеральной Великобритании действует королевская служба капелланов, насчитывавшая в первом десятилетии нашего века 350 человек, оправданием чему служит государственный характер англиканской церкви. Веяния времени сказываются здесь не в секуляризации вооруженных сил, а в допущении к работе в армии представителей мусульманского, индуистского, буддийского и сикхского духовенства. В государствах, провозглашающих себя светскими, вооруженные силы также не изолированы от религии. “Военные священники существуют в абсолютном большинстве зарубежных армий, – пишет полковник П. Колесов. – Законодательно их присутствие запрещено только в армиях Китая и Северной Кореи”⁴. Роль

их не вполне одинакова. Как отмечает Л.Г. Рыжов, деятельность военно-религиозных служб “может осуществляться в двух формах – координационной и субординационной”⁵. При координационной системе, принятой в ФРГ и ряде других стран, священники не являются военнослужащими, что обеспечивает большую независимость от командования армии и флота. Штатские священники назначаются религиозными организациями по согласованию с государством, но государство несет расходы по их содержанию. Их главная обязанность – духовно-нравственная работа. Общее воспитание военнослужащих осуществляется командирами. Напомним, что в ФРГ отношения с религиозными организациями строятся на основе конкордатов.

Яркий пример субординационной системы – США. Здесь священники состоят на военной службе, им присваиваются воинские звания, они подчиняются командованию. В 2006 г. в армии США служили 2500 офицеров-капелланов. Ими руководит Совет по делам капелланов при Министерстве обороны. При субординационной системе полномочия капелланов расширяются. На них в основном возложена воспитательная и психологическая работа. Капелланы представляют более 120 конфессий, но тем не менее не охватывают всего многообразия религиозных течений в США, что служит поводом для критики. Говорят о засилии священников-христиан, которые слишком настойчиво отстаивают свои позиции и не всегда отличаются толерантностью к другим конфессиям. Ставится под сомнение законность самого института военных священников в светском государстве⁶. Надо сказать, что это не единственное отступление от принципов секуляризации. Достаточно вспомнить текст присяги военнослужащего, заканчивающийся словами: “Да поможет мне Бог!” Нечто подобное встречается и в других странах.

Царская Россия представляла образец полного единства государства, армии как его важнейшей составной части и Православной Церкви. Военное духовенство было главным каналом религиозного, нравственного и патриотического воспитания военнослужащих. Этот институт был ликвидирован приказом Народного комиссара по военным делам от 16 января 1918 г. Советская власть практически полностью исключила влияние религии на вооруженные силы.

⁴ Колесов П. Роль института военных священников в вопросе укрепления морального духа военнослужащих иностранных армий // Зарубежное военное обозрение. 2008. № 3. С. 21.

⁵ Рыжов Л.Г. Военно-религиозные службы за рубежом // Мировой опыт государственно-церковных отношений. М., 1998. С. 285.

⁶ См.: Колесов П. Указ. соч.

Падение коммунистического режима не могло не поставить эту проблему по-новому. Еще Закон о свободе совести и о религиозных организациях, принятый 1 октября 1990 г. Съездом народных депутатов СССР, допустил соблюдение религиозных обрядов военнослужащими в свободное время. Закон РСФСР “О свободе вероисповеданий” от 25 октября того же года пошел чуть дальше, введя воинские части в список учреждений (больницы, места заключения и т.п.), где граждане имеют право соблюдать религиозные обряды (ст. 22). Правда, командование воинских частей, в отличие от администрации этих учреждений, не было обязано обеспечивать осуществление этого права, в частности путем предоставления особых помещений для совершения обрядов.

Очень взвешенное решение, полностью соответствующее принципу светского государства, провозглашенному Конституцией РФ 1993 г., эта проблема получила в Федеральном законе “О статусе военнослужащих” от 27 мая 1998 г. Статья 8 Закона, озаглавленная “Свобода совести и вероисповедания”, не отмененная и не измененная до сегодняшнего дня, гласит:

“1. Военнослужащие в свободное от военной службы время вправе участвовать в богослужениях и религиозных церемониях как частные лица.

2. Военнослужащие не вправе отказываться от исполнения обязанностей военной службы по мотивам отношения к религии и использовать свои служебные полномочия для пропаганды того или иного отношения к религии.

3. Религиозная символика, религиозная литература и предметы культа используются военнослужащими индивидуально.

4. Государство не несет обязанностей по удовлетворению потребностей военнослужащих, связанных с их религиозными убеждениями и необходимостью отправления религиозных обрядов.

5. Создание религиозных объединений в воинской части не допускается. Религиозные обряды на территории воинской части могут отпраздноваться по просьбе военнослужащих за счет их собственных средств с разрешения командира”.

Статья представляет собой не такой уж частый в практике современного отечественного правотворчества образец совершенного юридического текста. Его достоинства – в умелом сочетании двух коллизионных принципов: светского государства и свободы вероисповедания. Сомнения вызывает лишь п. 4 рассматриваемой статьи: “...государство не несет обязанность по удовлетворению потребностей военнослужащих,

связанных с их религиозными убеждениями...”. Ведь гарантия совершения религиозных церемоний в свободное от службы время – это своего рода обязанность государства. Пункт 4 лучше было бы заменить перечнем правил, в том числе организационных и процедурных, позволяющих военнослужащему реально воспользоваться предоставленным ему правом на удовлетворение религиозных потребностей. Этот пробел в законодательстве отмечен специалистом по правовому статусу религии и верующих А.В. Пчелинцевым, который пишет: “Серьезным препятствием на пути реализации свободы совести в Вооруженных Силах России является отсутствие правового механизма реализации прав верующих военнослужащих”⁷.

Содержание ст. 8 Закона “О статусе военнослужащих” заметно отличается от общей направленности Закона “О свободе совести и о религиозных объединениях” от 26 сентября 1997 г., что можно объяснить несогласованностью в работе ведомств, готовивших эти акты. Практика в большей мере отвечала духу Закона 1997 г. и не во всем соответствовала Закону “О статусе военнослужащих”.

В марте 1994 г. было подписано соглашение о взаимодействии между РПЦ и Министерством обороны РФ⁸. 8 апреля 1994 г. коллегия МО РФ принимает постановление “О мерах по усилению военно-патриотического воспитания военнослужащих и молодежи в интересах Вооруженных Сил РФ”. При Управлении воспитательной работы МО создается специальная группа по связям с религиозными объединениями, а на местах вводятся должности офицеров по связи с религиозными объединениями. С этого времени в армии появляются православные священники и храмы⁹. Другие “традиционные конфессии” отставали, что было вызвано как численным преобладанием православных среди верующих военнослужащих, так и тем, что РПЦ раньше других религиозных объединений наладила контакты с Министерством обороны. Тем не менее доминирование православия вызывало недовольство ряда представителей других религий. Так, председатель Совета муфтиев России Р. Гайнутдин заявлял: “Нас всерьез беспокоит то, что некоторые руководители Министерства обороны своими односторонними и непродуманными действиями расшатывают армию, ведут ее к расколу

⁷ Пчелинцев А.В. Свобода религии и права верующих в современной России. М., 2007. С. 148.

⁸ См.: Солодовник С. Официальная церковь выбирает власть // Pro et Contra. 2013. № 3–4. С. 9.

⁹ См.: Пчелинцев А.В. Указ. соч. С. 149, 150.

по национальному и религиозному признакам, противопоставлению православия всем другим религиям... Разве армия наша состоит только из православных?»¹⁰. Впоследствии в Вооруженных Силах появились и представители других религий, число их возрастает. Начальник Управления по работе с верующими военнослужащими Б. Лукичев сообщил об открытии молитвенных комнат для буддистов в воинских частях, расположенных на российско-монгольской границе¹¹. Тем не менее проблема остается. Обеспечить военнослужащим каждой воинской части возможность общения с представителями любой религии очень нелегко, не говоря о том, что действующий Закон «О свободе совести и религиозных объединениях» лишает «нетрадиционные религии» права работать в армии.

Первоначально пастырская работа в Вооруженных Силах велась православными священниками приходов, расположенных недалеко от воинских частей. Во всех епархиях РПЦ создавались отделы по взаимодействию с Вооруженными Силами. Журналист Б. Клиш писал в 2011 г., что священники уже лет 15 ходили в гости к солдатам, но эти визиты зависели от воли командиров¹². Вынашивалась идея активизировать деятельность религиозных организаций в армии на постоянной и штатной основе. По информации заместителя ответственного редактора «Независимого военного обозрения» (Приложение к «Независимой газете») О.Ю. Владыкина, вопрос об учреждении института полковых и корабельных священников впервые рассматривался всерьез в Министерстве обороны в 2005 г. и «был отложен из-за разных взглядов на функции священников: военное командование стремилось возложить на них ответственность за состояние дисциплины, борьбу с дедовщиной, выявление потенциальных правонарушителей», а представители РПЦ хотели ограничиться духовным окормлением¹³. Но работа в этом направлении продолжалась, причем при отсутствии законодательной базы. Сообщалось, что в июне 2006 г. в Калининграде прошли IV учебные сборы военного духовенства с участием представителей четырех традиционных религий¹⁴. Общественная организация «Союз советских офицеров» заявила тогда, «что проведение этого мероприятия на военном объекте грубо попирает принципы сво-

боды совести, светскости государства и является незаконным»¹⁵.

«Еще в июле 2009 г. Президент Дмитрий Медведев поддержал предложение руководителей крупнейших религиозных общин России о воссоздании института военного духовенства, – пишет О.Ю. Владыкин. – Решено было в 2010 году ввести должности помощников командиров по работе с верующими военнослужащими в каждом из соединений Российской армии... Были рассчитаны и квоты для священнослужителей от разных религиозных конфессий в соответствии с долей военнослужащих того или иного вероисповедания, проходящих службу в конкретном соединении. Патриарх Кирилл, например, объявил, что РПЦ необходимо будет выделить около 400 клириков «для служения на штатной основе»¹⁶. 24 января 2010 г. министр обороны подписал положение «Об организации работы священнослужителей с военнослужащими в воинских частях Российской Федерации»¹⁷. При Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил был создан центр подготовки капелланов¹⁸.

Наступил новый этап во взаимоотношениях армии с «традиционными» религиозными организациями. Наряду с приходскими священниками появились штатные, получающие заработную плату от Министерства обороны. Руководитель отдела Курганской епархии по взаимодействию с Вооруженными Силами протоирей В. Дедов полагает, что «православный полковой священник обращает свое пастырское внимание и на представителей других традиционных религий, заботится об этих людях, если они не имеют духовного попечения»¹⁹. С 1 декабря 2009 г. в Вооруженных Силах РФ введены должности помощника командира части по работе с верующими военнослужащими. Они предназначены для военных священников, которые отнесены к гражданскому персоналу воинских частей. Институт военного духовенства предполагает наличие культовых зданий и предметов. В гарнизонах Вооруженных Сил построены сотни храмов, часовен и комнат для моления²⁰.

Как относиться к этим нововведениям?

Предоставление военнослужащим возможности удовлетворять свои религиозные потребности

¹⁰ Там же. С. 167.

¹¹ См.: НГ-Религии. 2013. 6 марта. С. 3.

¹² См.: Комсомольская правда. 2011. 14 марта.

¹³ См.: Владыкин О. Равнение на патриарха // Независимая газ. 2010. 22 сент.

¹⁴ См.: НГ-Религии. 2006. 6 июля.

¹⁵ Пчелинцев А.В. Указ. соч. С. 170.

¹⁶ Владыкин О. Указ. соч.

¹⁷ <http://odonw.ru/forum25-116-1>

¹⁸ См.: Независимая газ. 2011. 30 марта. С. 2.

¹⁹ <http://odonw.ru/forum25-116-1>

²⁰ См., например: Фаличев О. Воинский долг, исполненный верой // Военно-промышленный курьер. 2011. 27 июня.

едва ли у кого-нибудь может вызвать сомнения и возражения. Это – гарантия свободы совести, одного из важнейших прав человека, признанных международным правом и законодательством РФ. Реализация этого права в Вооруженных Силах нуждается в тщательной юридической регламентации, четком установлении прав и обязанностей рядовых служащих и командования, в сужении сферы усмотрения начальствующего состава. Постсоветское законодательство сделало лишь первые и очень важные шаги в этом направлении. Принцип равенства всех граждан перед законом требует распространения права на религиозные убеждения и практику на всех верующих, независимо от того, принадлежат ли они к “традиционным” или “нетрадиционным” конфессиям. В этом плане как законодательство, так и практика, ориентированные на допущение к работе в Вооруженных Силах только представителей “традиционных” религий, нуждаются в серьезных изменениях и в приведении в соответствие с конституционными принципами.

Другой вопрос – в какой форме должны удовлетворяться религиозные потребности военнослужащих или каковы обязанности и роль вооруженных сил в их удовлетворении. Представляется очевидным, что армия светского государства не должна связывать своей деятельности, в том числе воспитательной, ни с какой религией. Идеальное решение коллизии свободы совести и светского характера армии предполагает соблюдение ряда условий. Удовлетворение религиозных потребностей должно проводиться по запросам верующих военнослужащих, по их инициативе, а не в порядке мероприятий, проводимых армейским руководством. Религиозные обряды должны осуществляться в свободное от службы время и не на территории воинских частей, т.е. военнослужащим предоставляется право участвовать в них как частным лицам. Им разрешается пользоваться предметами культа, религиозной символикой и держать их в служебных помещениях, но лишь в качестве личных вещей.

Несоблюдение этих условий ставит под сомнение светский характер армии. Если в гарнизонах строятся и содержатся культовые сооружения, если командиры посещают молебны, если религиозная символика используется в убранстве казарм, значит религия становится частью военной жизни, рекомендуется военнослужащим от имени государства. То же самое следует сказать о религиозных церемониях, проводимых вне гарнизонов, но с широким участием воинского состава под руководством командиров. Откры-

тая XXII Рождественские чтения, Патриарх Кирилл сказал, что его трогает, когда курсанты приходят “целыми батальонами” на патриаршую литургию в Храм Христа Спасителя²¹. Не ясно ли, что батальоны не собираются спонтанно, что их ведут в храм командиры и что присутствие на молитве рассматривается как похвальное (если не обязательное) поведение, наподобие экскурсии в музей В.И. Ленина при советской власти? Обычным явлением стали освящения кораблей, подводных лодок с участием флотского руководства. В сентябре 2010 г. глава РПЦ посетил расположение 16-й эскадры подводных лодок Тихоокеанского флота в г. Вилуйске на Камчатке. Он был встречен с почестями, которые оказываются руководителям государства и старшим воинским начальникам²². 13 декабря 2013 г. в День апостола Андрея Первозванного в Севастополе через весь город прошел Крестный ход. В нем участвовали не только священнослужители и верующие горожане, но и военные чины России и Украины²³. Создается впечатление, что армия светского государства не отделяет себя от Православной Церкви. В круг подобного рода явлений вписывается и деятельность военных священников. Государство, провозгласившее себя светским, не может возлагать на духовных лиц осуществление от его имени воспитательной работы. А ведь именно это происходит. Мне известен случай, когда православный священник, состоявший в воинской части, занимался не только духовным окормлением воинов, но и выпускал стенгазету, руководил хором.

Параллельно с введением института военных священников шло свертывание прежних форм воспитательной работы. Взамен упраздненных замполитов были введены должности помощников командиров по воспитательной работе, военных психологов. Но в конце первого десятилетия XXI в. их число сократилось с 14,5 тыс. до 2,5 тыс., т.е. почти в семь раз²⁴. В 2010 г. Главное управление воспитательной работы Министерства обороны было преобразовано в рядовое управление при Главном управлении кадров. Лишь новый министр обороны С.К. Шойгу заявил о намерении вернуть в армию офицеров-воспитателей²⁵. Церковь стремится вернуться к роли главного идеолога и воспитателя в армии, которую она играла в дореволюционной России, тогда как

²¹ См.: Независимая газ. 2014. 28 янв. С. 2.

²² См.: там же. 2010. 22 сент. С. 6.

²³ См.: там же. 2013. 18 дек. С. 7.

²⁴ См.: Владыкин О.Ю. Указ. соч.

²⁵ Независимая газ. 2013. 13 февр. С. 2.

светское государство предполагает установление новых отношений между вооруженными силами и религиозными организациями.

Отмеченные тенденции в жизни армии не только противоречат конституционному принципу светскости государства, но и прямо нарушают принципиально важные положения действующего Закона “О статусе военнослужащих”. Как отмечалось выше, ст. 8 этого Закона запрещает военнослужащим “использовать свои служебные полномочия для пропаганды того или иного отношения к религии” и допускает использование религиозной символики, литературы и предметов культа только индивидуально. Какие уж тут храмы в воинских частях или шествия целыми батальонами на молитву во главе с командирами! Не следует забывать и о том, что военнослужащие не принадлежат сплошь к одной конфессии, а значит, внедрение религиозной практики в гарнизонную жизнь не способствует их единству. Это примерно то же, что делить военнослужащих по национальному признаку, ведь национальность часто предопределяет религиозные предпочтения.

* * *

Наряду с военными священниками появились и тюремные. В марте 2010 г. в РПЦ был образован Синодальный отдел по тюремному служению. Его возглавил Иринарх (Грезин), епископ Красногорский. В тесном сотрудничестве с этим отделом Федеральная служба исполнения наказаний проводила в четырех регионах эксперимент по созданию в местах заключения института тюремных капелланов²⁶. Опыт признали удачным, и 22 февраля 2011 г. было подписано соглашение о сотрудничестве между РПЦ и ФСИН, в соответствии с которым ФСИН берет на себя при сильном участии РПЦ содействие строительству православных храмов и развитию религиозного образования в своих учреждениях²⁷. Руководители ФСИН того времени – директор А. Реймер и заместитель директора по воспитательной работе А. Величко объяснили цели заключения этого соглашения. Речь шла об участии священников в воспитательной работе с заключенными и в ресоциализации заключенных, включающей “содействие... в том числе в трудовом и бытовом устройстве после окончания срока наказания”. Шла речь и о том, чтобы предоставить тюремным священникам возможность выступать в качестве

ходатаев об условно-досрочном освобождении заключенных²⁸, а это явно может послужить стимулом к их воцерковлению.

Примеру РПЦ последовали и некоторые другие, главным образом “традиционные” религии. При этом в силу численного преобладания православных среди заключенных, отражающего этноконфессиональный состав населения России, РПЦ доминировала среди них, как и в обществе в целом.

Соглашение осуществлялось с размахом. По официальным данным, на 1 января 2011 г. в системе ФСИН действовали 523 культовых сооружения (471 православный храм, 40 мечетей, 9 буддийских дуганов, 3 католических храма) и 705 молитвенных комнат (466 православных, 115 мусульманских, 64 баптистских, 49 пятидесятнических, 6 буддийских, 2 католические, 1 иудейская и 2 иных вероисповеданий)²⁹. А. Величко сообщал о значительных успехах в деятельности ведомства, резком сокращении самоубийств, дисциплинарных и иных нарушений в тех колониях, где функционирует тюремный приход³⁰. Однако победные реляции оказались поспешными. Дать возможность верующим заключенным удовлетворять свои религиозные запросы – безусловно, гуманная мера, заслуживающая поддержки, однако сводить воспитательную работу к религиозному ритуалу и общению с духовными лицами недопустимо. Не следует забывать и о нежелательности этнорелигиозного разобщения и замкнутости. Активное внедрение религии в систему ФСИН уживалось с коррупцией и жестокостью администрации в местах заключения. Свидетельством крайнего неблагополучия, в том числе и в сфере воспитательной работы, которой должны быть охвачены не только заключенные, но и персонал колоний, стал бунт заключенных в Копейске Челябинской области в декабре 2012 г. Эти события привели к увольнению руководства ФСИН. Приведет ли это к переориентации воспитательной работы с религиозных на культурно-просветительские методы – покажет будущее. В некоторых странах СНГ такая тенденция наметилась. В начале 2014 г. министр внутренних дел Казахстана К. Касымов сообщил, что мечети, церкви и молельные комнаты в исправительных учреждениях республики переоборудуются в библиотеки и другие социально значимые объекты³¹.

²⁸ См.: там же.

²⁹ См.: там же.

³⁰ См.: там же.

³¹ См.: НГ-Религии. 2014. 15 янв. С. 3.

²⁶ См.: там же. 2010. 30 авг. С. 1, 2.

²⁷ См.: Мальцев В. Ныне отпускаеши // НГ-Религии. 2011. 2 марта. С. 1.

* * *

Имущественное положение религиозных организаций – важный аспект государственно-конфессиональных отношений. Октябрьская революция покончила с собственностью религиозных объединений. В соответствии с Декретом о земле церковные и монастырские земли были национализированы и переданы в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных советов крестьянских депутатов. Декретом СНК “Об отделении церкви от государства и школы от церкви” (13 января 1918 г.) религиозные объединения лишались статуса юридических лиц, а вместе с ним и права собственности. Все, чем они владели прежде, объявлялось народным достоянием. Здания и предметы культа по особым распоряжениям органов власти передавались в безвозмездное пользование группам верующих по их просьбе. Лишь в 1986 г. религиозные организации были признаны в качестве юридических лиц и получили право собственности на немногочисленные культовые здания, сохранившие свое предназначение в годы гонений.

Возрождение религиозной жизни, начавшееся в период перестройки и продолжившееся в постсоветский период, не могло не поставить по-новому и проблему имущества. Статья 19 Закона “О собственности в РСФСР” (24 декабря 1990 г.) допускала собственность религиозных организаций на здания, предметы культа, объекты производственного, социального и благотворительного назначения и иное имущество, необходимое для обеспечения их деятельности³². Земельный кодекс РСФСР 1991 г. предусматривал предоставление земли религиозным организациям на праве бессрочного пользования или собственности³³.

Возвращение имущества религиозного назначения начиналось с частных решений органов власти. Так, Распоряжением Президента РФ Б.Н. Ельцина от 31 декабря 1991 г. Московской Патриархии возвращались дома и строения, которые занимал бывший Совет по делам религий при Совете Министров СССР вместе с находившейся там религиозной литературой. Распоряжение Президента РФ от 23 апреля 1993 г. “О передаче религиозным организациям культовых зданий и иного имущества” носило общий характер. Правительству РФ поручалось “осуществить поэтапную передачу в собственность или пользование религиозным организациям культовых зданий,

строений, прилегающих к ним территорий и иного имущества религиозного назначения, находящихся в федеральной собственности, для использования в религиозных, учебных, благотворительных и других уставных целях, связанных с деятельностью конфессий. По содержанию этот документ представляет собой указ нормативного характера. Примечательно его заключительное положение: “при передаче культовых зданий и иного имущества учитывать по возможности интересы культуры и науки, имея в виду обеспечение сохранности памятников культуры, доступа к ним туристов, экскурсантов, всех граждан”³⁴ (подчеркнуто мною. – *О.М.*). Распоряжение Президента РФ от 23 апреля 1993 г. воспринимается как программа действий, сигнал к открытию широкой кампании восстановления церкви в имущественных правах, упраздненных советской властью.

Лишь спустя два года, 14 марта 1995 г., Правительство РФ издает постановление № 248, утвердившее Положение о порядке передачи религиозным объединениям относящегося к федеральной собственности имущества религиозного назначения. В нем впервые устанавливались определенная процедура и нормативная база. Положение вводит три формы передачи имущества: в собственность, в пользование и в совместное пользование с учреждениями и организациями культуры. Последний вариант представляет удачное решение проблемы сохранения и общедоступности культурных, исторических и научных ценностей. Условия совместного пользования должны были определяться соглашениями сторон в соответствии с законодательством. Пункт 2 постановления содержал правило: “особо ценные объекты культурного наследия народов Российской Федерации передаче в собственность религиозным объединениям не подлежат”. Эти положения – серьезный шаг вперед в сравнении с ни к чему не обязывающей президентской рекомендацией 1993 г. учитывать интересы культуры “по возможности”.

Передача имущества в собственность религиозных организаций осуществлялась Правительством РФ по совместному представлению Министерства культуры и Государственного комитета РФ по управлению государственным имуществом. Передача в пользование или совместное пользование осуществлялась Министерством культуры для объектов, являющихся памятниками истории и культуры, и названным выше Государственным комитетом – для других объектов. Разногласия

³² См.: Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. 1990. № 30. Ст. 416.

³³ См.: там же. 1991. № 2. Ст. 768.

³⁴ См.: Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1993. № 17. Ст. 1455.

между органами власти по поводу имущества религиозного назначения, а также между государственными органами и религиозными организациями по постановлению 1995 г. рассматривались Комиссией по вопросам религиозных объединений при Правительстве РФ. Эта комиссия могла вносить проекты решений в Правительство. В 90-е годы церкви были переданы многие культовые сооружения, в том числе такие известные памятники истории и культуры, как Донской монастырь в Москве, Свято-Троицкий Ипатьевский монастырь в Костроме. Однако масштабы и темпы передачи имущества не устраивали церковь. Архиерейский Собор РПЦ в 2000 г. обратился с письмом к Президенту РФ В.В. Путину, в котором говорилось, что процесс возвращения не только не завершен, но по-настоящему и не начат, и содержался призыв передать церкви храмы, иконы, святыни, помещения для воскресных школ, богословских учебных заведений, приютов, земли для монастырского хозяйства. 30 июня 2001 г. постановлением Правительства РФ было утверждено новое Положение о порядке передачи религиозным организациям находящегося в федеральной собственности имущества. Изменения порядка передачи свидетельствовали о сужении полномочий Министерства культуры. Исчезло упоминание о совместном представлении Министерства культуры и органа, распоряжающегося федеральным имуществом, которое по Положению 1995 г. считалось необходимым предварительным условием для решения Правительства РФ о передаче имущества в собственность. Передача в пользование любого имущества по Положению 2001 г. осуществлялась Министерством имущественных отношений. Если передаваемые объекты представляют собой памятники истории и культуры, названное министерство должно было согласовать вопрос с Министерством культуры. По прежнему положению передача памятников истории и культуры являлась прерогативой Министерства культуры. Существенно расширился круг объектов, передаваемых религиозным организациям.

Положение 1995 г. запрещало передачу в собственность религиозным организациям особо ценных объектов культурного наследия. Положение 2001 г. не отменяло этой нормы, но, по существу, его подход рассчитан на то, чтобы открыть для передачи (правда, во владение) любое имущество религиозного назначения. «Имущество религиозного назначения, которое в соответствии с законодательством РФ не подлежит отчуждению из федеральной собственности, может быть передано религиозной организации в безвозмездное пользование на определенный срок или на период

существования этой организации, а также может быть предоставлено ей в совместное с иными организациями пользование», – записано в п. 2. Далее поясняется, что этот принцип применим и к имуществу, закрепленному в установленном порядке за учреждениями культуры. Условия совместного пользования определялись по согласованию с централизованными религиозными организациями и утверждались Министерством культуры.

Пункт 3 конкретизировал эти положения применительно к наиболее важным памятникам истории и культуры: «Имущество религиозного назначения, входящее в состав особо ценных объектов культурного наследия народов РФ, государственной части Музейного фонда РФ или государственной части Архивного фонда РФ, может передаваться религиозным организациям в пользование при условии обеспечения религиозными организациями надлежащего режима сохранности и безопасности, установленного для такого имущества». Требование сохранности выдвигалось и при передаче имущества в собственность. При этом право собственности ограничивалось еще одним условием – использованием имущества в соответствии с целями деятельности, определяемыми уставом религиозной организации (п. 2).

Постановление 2001 г. активизировало процесс возвращения имущества религиозного назначения. При этом возникали конфликты с законными владельцами передаваемых имуществ, в частности с музеями. Так, в январе 2010 г. прошли акции протеста против передачи музея-заповедника «Рязанский Кремль» местной епархии РПЦ. Когда в марте того же года РПЦ был передан Новодевичий монастырь в Москве, сотрудники музея также протестовали, опасаясь, что это может привести к гибели памятников культуры. Известен случай, когда РПЦ претендовала на здание очень востребованной больницы для детей-инвалидов в Подмоскowie на том основании, что оно находилось на территории, некогда принадлежавшей монастырю.

Существенные изменения в развивающийся процесс внес Федеральный закон «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности» от 30 ноября 2010 г.³⁵

В отличие от постановлений Правительства РФ от 14 марта 1995 г. № 248 и от 30 июня 2001 г. № 490, действующий Закон не упоминает о такой

³⁵ См.: Росс. газ. 2010. 3 дек.

форме передачи имущества религиозного назначения, как совместное пользование с учреждениями культуры. Остались две формы – собственность и пользование. Сохраняются принципы безвозмездности передачи (ст. 1.1), использования имущества в соответствии с целями деятельности, определенными уставом религиозной организации (ст. 3), и обремененности объектов культурного наследия обязательствами по их содержанию и сохранению, а также обеспечению доступности для граждан (ст. 5).

Закон четко устанавливает обстоятельства, при которых имущество передается в пользование: 1) если имущество не подлежит отчуждению в соответствии с законодательством РФ, 2) по предложению религиозной организации и 3) если речь идет о помещении, не относящемся к имуществу религиозного назначения (ст. 4). Вместе с имуществом передается земельный участок, на котором оно расположено. Это правило распространяется и на имущество, предназначенное для обслуживания имущества религиозного назначения и (или) образующее с ним монастырский, храмовый или иной культовый комплекс (п. 2, 3 ст. 5).

Принципиальная особенность закона от 30 ноября 2010 г. состоит в том, что при соблюдении определенных условий и процедур передача имущества предпринимается волей религиозной организации-заявителя. От уполномоченного принимать решение органа зависят только сроки. Вопрос о возможности и целесообразности передачи не ставится. Уполномоченный орган может отказать в рассмотрении заявления, если представленные документы не соответствуют перечню или вопрос не входит в его компетенцию (ст. 7.2). Отказать в передаче имущества уполномоченный орган может, если только данное имущество не является имуществом религиозного назначения, т.е. применительно к зданиям и сооружениям не было таковым в прошлом, если заявленная цель использования имущества не соответствует уставным целям организации и если заявление подано иностранной организацией (ст. 8). При отсутствии оснований для отказа уполномоченный орган обязан принять решение либо о передаче имущества, либо о подготовке предложений для включения его в план, согласуемый с органами государства или местного самоуправления, в ведении которых находятся организации, пользующиеся этим имуществом, и с руководящим органом религиозной организации. Любое решение (в том числе отказ) должно быть принято в месячный срок со дня подачи заявления. Срок для реального исполнения решения определен в

два года с момента принятия решения о передаче и в шесть лет со дня принятия к рассмотрению заявления при включении его в план, что связано с выселением и предоставлением новых помещений заинтересованным лицам.

Действие Закона от 30 ноября 2010 г. не распространяется на имущество религиозного назначения, относящееся к музейным предметам, коллекциям и документам, включенным в состав Музейного фонда РФ, Архивного фонда и Национального библиотечного фонда (ст. 1.2). Эти вопросы регулируются постановлением Правительства РФ от 21 апреля 2011 г. “О внесении изменений в Постановление Правительства РФ от 30 июня 2001 г. № 490”. Изменения внесены и в само название постановления № 490. В новой редакции оно целиком посвящено передаче религиозным организациям музейных и архивных материалов. Пункт 11 дополнен абзацем, позволяющим досрочно расторгать договоры о передаче данных материалов при несоответствии режима их хранения в религиозных организациях требованиям, установленным законодательством Российской Федерации. Кто будет устанавливать несоответствие режима хранения, как будут решаться возникающие на этой почве коллизии, пока остается неясным.

Передавая в собственность церкви здания религиозного назначения, государство не отказывается от участия в их реставрации. Выступая на Рождественских образовательных чтениях 2014 г., вице-премьер РФ О. Голодец сообщила о расходовании 5 млрд руб. на восстановление памятников церковной архитектуры, переданных церкви. На тех же чтениях руководитель управления Росимущества С. Аноприенко заявил, что религиозным организациям будет предоставлено право осуществлять культурную деятельность на территории природных заповедников³⁶. Это заявление воспринималось как попытка легализации *post factum* сооружения патриаршего духовного центра в природоохранной зоне в районе Геленджика, вызвавшего протест экологов. Что понимается под культурной деятельностью церкви, почему ее нужно вести в заповедниках и почему только религиозным организациям, а не краеведческим, природоохранным, историческим, географическим и т.п. предоставляется такое преимущество, требует разъяснений.

Законодательство и практика двух последних десятилетий превратили ведущую религиозную организацию России в крупного собственника

³⁶ См.: НГ-Религии. 2014. 5 февр. С. 2.

движимого и недвижимого имущества, в том числе земли. Материальные интересы РПЦ оберегаются не только обычными средствами, но и рядом особых привилегий. Таков, по существу, бесспорный характер возвращения имущества религиозного назначения, введенный Федеральным законом от 30 ноября 2010 г. Не декларируя этого прямо, Закон фактически объявил ничтожными все акты национализации имущества религиозного назначения, осуществленные советской властью. На другие объекты национализации и на других ее жертв этот принцип не распространяется. Практика в ряде случаев идет дальше законодательства. Органы власти охотно предоставляют главной религиозной организации здания, которые раньше не были связаны с отправлением культа, и земельные участки, на которых когда-то стояли сооружения религиозного характера, но при советской власти они были полностью уничтожены. В Екатеринбурге намерение вновь построить храм на месте сквера, давно ставшего частью городского ландшафта и популярным местом отдыха, вызвало общественное движение протеста. Стараясь его нейтрализовать, глава екатеринбургской епархии РПЦ заявил, что никто из врагов Православной Церкви не умер своей смертью³⁷. Однако угрозы карами небесными не возымели эффекта. От плана строительства храма пришлось отказаться. Жители Ростова-на-Дону собирали подписи в защиту Ростовского государственного театра кукол, на здание которого претендует местная епархия на том основании, что оно сооружено на фундаменте бывшей церкви, переставшей существовать в середине прошлого века. В том же городе сообщалось об использовании не по назначению имущества, безвозмездно переданного церкви. В 2007 г. местные власти передали РПЦ дом барона Врангеля с целью восста-

³⁷ См.: там же. 2011. 15 июня. С. 4.

новления архитектурного памятника и создания в нем православного центра. Вместо этого епархия продала особняк, перечислив деньги в фонд реконструкции кафедрального собора³⁸. Тем самым церковь выступила в роли обычного участника гражданского оборота.

Передача имущества из одних рук в другие всегда сопряжена с трудностями. Когда речь идет о зданиях и сооружениях, это связано прежде всего с предоставлением равноценных помещений высеяемым лицам, учреждениям и организациям, вовсе не повинным в том, что они пользовались имуществом, предназначавшимся прежде для осуществления религиозных нужд. При передаче музейных помещений и фондов возникают проблемы с обеспечением их сохранности, что предполагает и безопасность, и особые условия содержания, а также общедоступность музейного достояния. Современное российское законодательство не содержит четких правил на этот счет, институциональных и процессуальных гарантий соблюдения интересов музейного дела. Специальные и постоянные органы контроля за состоянием музейных ценностей, передаваемых религиозным организациям, или взаимодействия музеев и религиозных организаций не созданы. Богатый опыт, накопленный в этом отношении в Ватикане, Великобритании, Германии, Португалии и других странах (в том числе практика совместного пользования культурными ценностями)³⁹, пока не учтен и не использован. На сегодняшний день Правительство РФ взяло курс на максимальное удовлетворение запросов РПЦ. Интересы церкви оказались для него важнее сохранения сокровищ национальной культуры и собственного музейного дела.

³⁸ См.: Независимая газ. 2014. 22 мая. С. 5.

³⁹ См.: Сотников М. Без права передачи // НГ-Религии. 2010. 3 февр. С. 5.